

УДК 325.1

Миграционная политика Турции в контексте проблемы беженцев: история и современность

С. В. Кривов, С. В. Старкин,

*Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород,
Российская Федерация*

Turkey's migration policy in the context of the refugee problem: history and modernity

S. V. Krivov, S. V. Starkin,

*Nizhny Novgorod Lobachevsky
State University,
Nizhny Novgorod, the Russian Federation*

Аннотация

Гражданская война в Сирии вызвала появление массы беженцев, направившихся в соседние страны: Иорданию, Ирак, Ливан и Турцию. В настоящее время их численность, по данным ООН, достигает почти 6 млн. человек. Учитывая сохраняющуюся нестабильную ситуацию, стало понятным, что большинство из них останется здесь на продолжительное время, что делает актуальным выявление степени готовности принимающих стран адаптировать у себя такое количество переселенцев. Наибольшее их количество оказалось в Турции и, прежде всего, в пограничных юго-восточных районах страны, с их пестрым по этническому и конфессиональному составу населением, что стало вызовом сохранению стабильности и устойчивости развития всего турецкого общества. В статье рассматриваются исторические аспекты миграционной политики Турции. В качестве методологической основы выбран анализ текстов нормативного содержания, позволяющий выявить изменения подходов к миграционной политике терминологического и содержательного плана. Выявляется, что на протяжении истории страна применяла географический принцип ранжирования переселенцев на выходцев из европейских и неевропейских регионов, что было связано с процессами распада Османской империи и притоком турецкого и мусульманского населения во внутренние области Анатолии из балканских провинций. Сложившаяся с течением времени специальная терминология, содержащаяся в турецком законодательстве, отражает традиции миграционной политики позднего османского и раннего республиканского периодов. Делается заключение, что в настоящее время остро ощущается необходимость пересмотра основ миграционной политики как на концептуальном, так и на институциональном уровнях.

Abstract

The civil war in Syria caused the appearance of the mass flow of refugees heading to neighbouring countries, such as Jordan, Iraq, Lebanon, and Turkey. Currently, according to the UN, their

number reaches almost 6 million people. Considering the continuing unstable situation, it is clear that most of them will stay there for a long time, which makes it important to identify the degree of readiness of host countries to adapt such a huge number of newcomers. The largest number of them turned out to be in Turkey and, above all, in the borderline South-Eastern regions of the country with their diverse ethnic and religious composition of the population, which became a challenge for maintaining stability and sustainable development of the entire Turkish society. The article deals with historical aspects of Turkey's migration policy. As a methodological basis, we chose an analysis of normative texts that allows us to identify changes in approaches to migration policy in terms of terminology and content. It is revealed that throughout history, the country has applied the geographical principle of ranking immigrants from European and non-European regions, which was associated with the processes of the collapse of the Ottoman Empire and the influx of Turkish and Muslim population to the interior of Anatolia from the Balkan provinces. The special terminology developed over time in Turkish legislation reflects the traditions of the migration policy of the late Ottoman and early Republican periods. It is concluded that there is an urgent need for reviewing the migration policy framework, both at the conceptual and institutional levels.

Ключевые слова

Османская империя, Турция, беженцы, условный статус беженца, миграционная политика, интеграция, антидискриминационные меры, миграционное законодательство, гражданство, лагеря для беженцев, реадмиссия.

Keywords

The Ottoman Empire, Turkey, refugees, conditional refugees, migration policy, integration, anti-discrimination measures, migration legislation, nationality, citizenship, refugee camp, readmission.

События последних лет радикально изменили характер и направленность миграционных потоков в ближневосточном и средиземноморском регионах, а рост нестабильности и открытые военные столкновения привели к появлению десятков тысяч беженцев, вынужденных переселенцев и нелегальных мигрантов. Не в последнюю очередь это коснулось и Турецкой Республики, долгое время считавшейся основным поставщиком трудовых мигрантов в страны Западной Европы, а сегодня ставшей одной из крупнейших принимающих стран. Так, число иностранных граждан на турецкой территории возросло с 100 тыс. в 2008 г. до 275 тыс. в 2013 г., а с обострением ситуации в Сирии также увеличилось число беженцев и вынужденных переселенцев. Согласно оценкам ООН, их количество возросло с 175 тыс. в январе 2013 г. до 2,7 млн. в январе 2016 г., а Комитет по делам беженцев ООН получил от Турции 17 % всех запросов по финансированию своих программ, что составило около \$ 500 млн.

Сегодня Турция стала крупнейшей в мире страной по числу принимаемых беженцев, для которых создано 25 специальных лагерей по всей стране¹. Несмотря на то, что беженцы составляют менее 3 % населения Турции, что гораздо меньше по сравнению с Иорданией (8 %) и Ливаном (21 %), их доля очень высока в юго-восточных провинциях (Хатае, Килисе, Газиантепе, Шанлыурфе и Мардине), обладающих этнически и конфессионально пестрым составом, где проживает 8 % всего населения страны, и при этом производится немногим более 5 % турецкого ВВП². Потенциально это создает угрозу стабильности и безопасности в приграничных с Сирией и Ираком регионах.

Представляется актуальным рассмотреть, насколько Турция готова к приему такого большого количества иностранных граждан на своей территории, учитывая

наличие внутренних проблем, отсутствие опыта интеграционной политики, а также рост антииммигрантских настроений в современном турецком обществе. Следует также рассмотреть влияние притока беженцев на миграционную политику страны. При оценке возможностей принимающей иммигрантов страны, как правило, учитываются как институционально-правовые рамки, регулирующие въезд, пребывание и статус иностранных граждан на собственной территории, так и осуществляемый комплекс мер по их интеграции в принимающее общество.

История и современные тенденции турецкой миграционной политики

Расположенная на пересечении путей из Европы, Ближнего Востока и Северной Африки и имеющая выходы к средиземноморскому и черноморскому побережьям Турция всегда являлась ядром транзитных миграционных потоков, что во многом сопоставимо с арабскими странами Магриба³. Ее роль еще больше возросла в результате Арабской весны, приведшей к массовой сирийской миграции в Турцию, в результате которой в 2010 г., впервые за 50-летнюю историю турецкой миграции, число прибывших иностранцев превысило число выезжающих из нее.

На протяжении позднего османского и раннего республиканского периодов также имели место массовые переселения, что было вызвано процессом распада империи на национальные государства. Согласно К. Карпату, в период с 1860 по 1922 г., около 4 млн. человек мигрировали на турецкую территорию, в то время как 1,5 млн. вынуждены были, наоборот, ее покинуть. С подписанием Лозаннского договора, предусматривался принудительный обмен населением с соседними странами в период с 1923 по 1926 г. Переселения оказали огромное влияние на процессы национального строительства, превратив полиэтническую империю в гомогенное республиканское государство⁴. Киришчи полагает, что предоставление гражданства в ранний республиканский период было тесно связано с этнической и конфессиональной принадлежностью. Так, согласно закону о гражданстве 1923 г., в Турции могли селиться другие мусульманские этносы: боснийцы, албанцы, татары. Закон 1934 г. подтвердил это положение, формально отмененное лишь в 2006 г.⁵

После окончания периода холодной войны международная миграция в Турцию была представлена транзитными потоками, нелегальной трудовой иммиграцией, главным образом из бывшего СССР и стран Восточной Европы, а также беженцами из Афганистана, Ирана, Ирака и различных других стран Азии и Африки. Само становление Турции в качестве страны массовой иммиграции происходило на фоне противоречий между интересами национального строительства и тенденциями глобализации и европеизации, что, однако, не привело к политизации этого вопроса. При этом до сирийского кризиса правительство вело подготовительные мероприятия по принятию нового, достаточно либерального, закона о статусе иностранных граждан и содействии беженцам, который должен был отменить многие прежние ограничения. Такие устремления были в духе политики гармонизации законодательства, в соответствии с требованиями ЕС.

Хотя турецкая миграционная политика существенно изменилась с начала 2000-х гг., в связи с получением статуса кандидата на вступление в ЕС⁶, по-прежнему существует ряд проблем, которые нуждаются в кардинальном решении. Прежде всего, Турция настаивает на географически ограничительном принципе политики в отношении беженцев, отказываясь признавать таковыми выходцев из неевропейских стран, что соответствует традиции 1920-х гг., когда Турецкая Республика принимала массы

этнического турецкого населения из бывших балканских провинций Османской империи. Комиссия ООН по делам беженцев даже вынуждена периодически вмешиваться, для определения возможностей размещения беженцев из неевропейских стран на турецкой территории. Однако, без гарантии полного членства в ЕС, Турция вынуждена поддерживать многие ограничения для неевропейской иммиграции, из-за опасения превратиться в «буферную зону» для нелегальных мигрантов. В условиях устойчивого экономического роста последних лет страна стала привлекать переселенцев из соседних регионов, часто рассматривающих турецкую территорию лишь как временный пункт на пути в Европу. Неудивительно, что опасения ЕС связаны не столько с возможностью турецкой эмиграции, сколько с ситуацией переселения граждан третьих стран, которые могут использовать Турцию как транзитную страну. Безвизовая политика с некоторыми соседними государствами, например, Сирией, Ливаном, Ираном, Египтом и т. д., обусловила серьезные опасения в отношении надежности турецкого пограничного контроля, особенно в связи с сирийским кризисом. Так, число граждан третьих стран, нелегально направляющихся в ЕС через турецкую территорию, даже в докризисном 2011 г., по оценкам миграционных служб ряда стран ЕС, составило 55 630 человек.

Турецкое законодательство, определяющее статус иммигрантов и беженцев, до недавнего времени основывалось на серии устаревших правовых актов 1950-х гг., в которых отсутствуют единообразие и соответствующие институциональные механизмы⁷. При этом Турция является одной из нескольких стран в мире, утвердивших географические ограничения Женевской конвенции 1951 г., и применяет последнюю только в отношении беженцев из Европы. Несмотря на давление со стороны ЕС и неоднократно предпринимаемые усилия по модернизации законодательства в отношении мигрантов и беженцев⁸, все попытки подтолкнуть страну к серьезной реформе миграционной политики наталкиваются на сопротивление турецкой стороны, опасющейся роста числа нелегалов из Африки и Азии в саму Турцию⁹. Камнем преткновения стало заключение соглашения по реадмиссии между Турцией и ЕС. Хотя турецкое правительство и подготовило текст соглашения с ЕС по реадмиссии в июне 2012 г., на условиях либерализации визового режима между Турцией и ЕС, оно запросило дорожную карту по визовому соглашению перед тем, как договоренности о реадмиссии вступят в силу. Представленный вариант вызвал неудовлетворение с турецкой стороны из-за неприемлемых требований модификации «всей системы приема беженцев», «изменения визовой системы в отношении неевропейских стран» и «ратификации дополнительных протоколов Европейской конвенции по правам человека, к которой присоединились даже не все члены ЕС»¹⁰. По мнению Турции, соглашение по реадмиссии и введение безвизового режима с ЕС должны быть одновременными¹¹.

Наиболее важным шагом по гармонизации соответствующего законодательства стал «Закон об иностранцах и международной защите» (Закон 6458), принятый 4 апреля 2013 г. Великим национальным собранием Турции. Его появление можно рассматривать как свидетельство усилий Турции по учреждению эффективной системы управления миграцией, в соответствии со стандартами ЕС. Новый закон внес изменения в практику турецкой миграционной политики и отношение к беженцам, полностью заменив Закон о пребывании и передвижении иностранцев 1994 г. (Закон № 5683) и частично изменив положения Закона о паспорте 1950 г. (Закон № 5682). Предусматривалось создание Генерального директората миграционной службы под эгидой МВД, являющегося гражданским экспертным учреждением,

регулирующим вопросы миграции и международной защиты. По закону адаптацию иммигрантов и беженцев предполагается облегчить за счет языковых курсов и информационных кампаний.

Однако разделение беженцев на «европейских» и «неевропейских» сохранилось. Так, лица, подпадающие под определение беженцев, согласно Конвенции 1951 г., но относящиеся к лицам из неевропейских стран, получали статус «условного беженца». Этот турецкий юридический термин был введен для разделения различных типов беженцев, в зависимости от страны происхождения. Такой статус предоставлял меньшее количество прав и возможностей по сравнению с полноценным статусом беженца, поскольку в этом случае не предполагалась возможность долговременной интеграции в турецкое общество, а значит, такие лица не попадали под закон о воссоединении семей.

Проблема доступа к гражданству

При рассмотрении проблемы доступа к гражданству важным является вопрос о терминологии. Закон 2006 г. определял иммигрантов как лиц, являющихся «турками по происхождению и относящихся к турецкой культуре, прибывших в Турцию индивидуально или в составе группы с целью поселения...». В современном турецком языке слово иммигрант (*göçmen*) является производным от глагола «*göçmek*» или от его устаревшей формы «*köçmek*», использующихся для обозначения изменения места жительства. В османском языке аналогичную роль выполняло словосочетание «*hicret etmek*», а люди, менявшие место проживания, назывались «*muhacir*». Таким образом, «*göçmen*» и «*muhacir*» имеют сходное значение и называют одновременно эмигрантов, иммигрантов и мигрантов. Однако в современном турецком языке эти термины не используются в таком широком значении. Так, «*muhacir*» используется в историческом контексте как иммиграция лиц турецкого происхождения или мусульман в Османскую империю, а «*göçmen*» используется в современных текстах официально-делового и разговорного стилей для обозначения иммигрантов турецкого происхождения. Это в равной степени относится как к людям с гражданством, так и без него. Можно сказать, что термин «*göçmen*» указывает на привилегированное положение этой категории лиц с точки зрения упрощенной процедуры натурализации, правом на которую не обладают иностранцы нетурецкого происхождения. Следовательно, иммигранты без турецких корней и культуры (*yabancı* – букв. чужой) рассматриваются отдельно и «вызывают в определенной степени опасения с точки зрения турецкой идентичности»¹². Такие категории иммигрантов и беженцев в Турции чаще, чем в странах ЕС, испытывают трудности при получении гражданства, поскольку условия, предъявляемые к соискателям, отличаются большей требовательностью и значительными ограничительными мерами.

Претенденты на гражданство сталкиваются с более жесткими требованиями и должны доказать свободное владение турецким языком, намерение поселиться в Турции, хорошие моральные качества, независимость от социальных выплат и отсутствие угрозы общественному порядку, безопасности и благополучию. Для доказательства этого они должны пройти через интервью, проводимое специальной комиссией. При этом в Турции, в отличие от многих стран, где практикуется тестирование для получения гражданства, не существует предварительного доступа к вопросам или учебным материалам для подготовки к интервью.

Антидискриминационное законодательство

Турецкое законодательство не содержит понятия интеграции иммигрантов и переселенцев, а в сравнении с большинством европейских стран Турция не имеет антидискриминационного законодательства с четкими определениями, сферой применения и прописанными процедурами правоприменения. Страна до сих пор не подписала Конвенцию ООН 1990 г. по защите прав всех иностранных рабочих и членов их семей. Более того, до 2003 г. был в силе закон, запрещающий практику 72 профессий для лиц, не обладающих турецким гражданством. Также отсутствует какое-либо специализированное агентство по обеспечению равенства и антидискриминационных условий для всех жителей, а все подобные вопросы регулируются только Конституцией, нормами международного права и отдельными законодательными положениями в сферах трудоустройства и образования. Не существует также юридической поддержки по этим проблемам со стороны Конституционного суда. Принятие подобного законодательства, а также учреждение Совета по равенству обсуждается с 2010 г.

При трудоустройстве и соблюдении законодательства, в качестве дискриминационного фактора не рассматривается принадлежность гражданская, а только языковая, расовая, гендерная и религиозная. Социальная безопасность, доступ к домовладению и здравоохранению являются сферами, которые вообще не рассматриваются как сфера возможной дискриминации.

С формальной точки зрения, гражданские, уголовные и административные суды открыты для всех дел такого рода. Однако эти способы разрешения конфликтов неэффективны без наличия специфических антидискриминационных механизмов, требуемых законодательством ЕС. До сих пор процессуально турецкая судебная практика перекладывает бремя доказательства наличия притеснений на плечи истца, от чего уже отказались в большинстве стран. При этом потенциальные жертвы дискриминации должны заявлять о своих правах в одиночку, без участия неправительственных организаций, то есть без помощи специализированной структуры, что вообще является неприемлемым с позиции ЕС.

На практике, не имея официальных разрешений на трудоустройство, беженцы часто сталкиваются с закрытостью турецкого рынка труда для незарегистрированных лиц. Как правило, это заставляет их идти на низкооплачиваемую работу. В свое время со стороны руководства правящей Партии справедливости и развития (АКР) даже звучали обещания рассмотреть поправки в законодательство, однако это касалось лишь провинций с наибольшим количеством беженцев, прежде всего, в юго-восточной части страны. Так, например, в Килисе беженцы составляют 59 % населения, в Газиантепе – 10,5 %, в Шанлыурфе – 10 %, в Хатае – 9 % и в Мардине – 6 %. При этом уровень безработицы в юго-восточной Турции достигает 14,5 %, являясь наивысшим по стране, и, следовательно, даже ограниченное разрешение на работу для беженцев может вызвать негативное восприятие со стороны местного населения.

Наконец, Турция имеет крайне слабые позиции в сфере образования применительно к задачам интеграционного процесса. Так, Турция ограничивает доступ детей мигрантов в школы и едва ли осуществляет какую-либо целевую поддержку и межкультурное взаимодействие.

Даже дети легальных мигрантов и беженцев не всегда могут реализовать свое право на обучение. Существующие в Турции программы поддержки малообеспеченных семей, в принципе, распространяются на всех жителей, однако, как правило,

ими редко пользуются иммигранты, из-за плохого знания турецкого языка. При этом никакой национальной политики, связанной с изменениями в этой области, со стороны Министерства образования не ведется. Таким образом, дети беженцев могут получить шанс посещать начальную школу только в результате специального административного решения в некоторых провинциях. При этом нет стандартных критериев для оценки навыков обучения и языка мигрантов до начала обучения, а школы не получают целевого финансирования и профессиональной поддержки, в соответствии со специфическими потребностями детей мигрантов. К тому же, и сами иммигрантские сообщества не поощряются государством в стремлении к обучению детей национальному языку и культуре, в отличие от большинства других стран.

Однако ряд мероприятий, направленных на улучшение данной ситуации, осуществляется в последнее время в пяти юго-восточных провинциях, которые имеют наибольшую долю беженцев. Наряду с усилиями, нацеленными на облегчение доступа на рынок труда, местные чиновники готовят беженцев к длительному пребыванию и открывают школы для сирийских беженцев во многих юго-восточных провинциях. Кроме того, Центр по изучению турецкого и иностранных языков Газиантепского университета проводит курсы турецкого языка в двенадцати лагерях для беженцев. Наконец, в Стамбуле были открыты семь школ для беженцев, а в Измире подобное решение было принято еще в ноябре 2013 г. Кроме того, правительство решило предоставить стипендии 600 сирийским студентам, которые должны были подтвердить лишь знание турецкого языка и могли не сдавать вступительные экзамены в университет.

* * *

Даже после принятия Закона об иностранцах и международной защите Турция имеет неблагоприятные показатели интеграции, особенно в сравнении со странами Центральной и Восточной Европы. Рабочие иммигранты и их семьи ограничены в правах и практически не получают помощи со стороны государства. Современная политика государства не является благоприятной для иммигрантов в плане мобильности на рынке труда, в сфере образования и политики. Кроме того, в Турции иммигранты на сегодняшний день слабо защищены от дискриминации, поскольку антидискриминационное законодательство и соответствующие агентства еще отсутствуют или находятся в ожидании утверждения парламентом. Мигранты сталкиваются со сложностями при получении не только гражданства, но и простого долгосрочного вида на жительство. Несмотря на некоторое улучшение позиций в направлении большей открытости и соответствия международным стандартам, новое турецкое законодательство для мигрантов и беженцев пока еще ожидает разработки правил, применения благоприятствующих стратегий и программ, а также четкого определения условий долгосрочного проживания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. UN High Commissioner for Refugees. Written text of speech to the UN Security Council, 26 February 2015. Online. Available at: <http://www.unhcr.org/print/54ef667961> (access date: 28 May, 2019).
2. Exports by Province, Imports by Province, 2013. Online. Available at: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1046 (access date: 28 May, 2019).

3. Kirişçi K. Turkey: A Transformation from Emigration to Immigration. Migr. Inf. Source 2003. Online. Available at: <http://www.migrationinformation.org/Profiles/display.cfm?id=176> (access date: 28 May, 2019).
4. Karpat K. H. Ottoman population 1830-1914: Demographics and social characteristics. – Madison: University of Wisconsin Press, 1985. – С. 134.
5. Kirişçi K. Disaggregating Turkish Citizenship and Immigration Practice // Middle Eastern Studies. – 2000. – 36 (3). – С. 1-22.
6. Elitok S. Turkey's Negotiations on Migration /IPC MPB 2013/. Online. Available at: http://ipc.sabanciuniv.edu/wpcontent/uploads/2013/04/secilelitok_TR_EU_migration.pdf (access date: 28 May, 2019).
7. Strik T. Migration and asylum: mounting tensions in the Eastern Mediterranean, Report of Council of Europe, 23 January 2013. Online. Available at: <http://assembly.coe.int/ASP/Doc/XrefViewPDF.asp?FileID=19349&Language=en> (access date: 28 May, 2019).
8. Council of Ministers Decree on the National Program For Acquiring EU Acquis, Bakanlar Kurulu Kararı (Resmi Gazete Tarihi: 24 Temmuz 2003 Sayısı: 25178 Mükerrer) KararSayısı: 2003/5930.
9. Tokuzlu, passim. 17 Statement by EU Commissioner Cecilia Malmström on the initialling of the EU-Turkey Readmission Agreement, 21 June, 2012. Online. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-477_en.htm (access date: 28 May, 2019).
10. Cutting the Visa Knot How Turks can travel freely to Europe, op. cit., p. 5. Online. Available at: <https://www.esiweb.org/publications/cutting-visa-knot-how-turks-can-travel-freely-europe> (access date: 28 May, 2019).
11. Egemen Bagis. 50th session of the Association Council, Brussels, 22 June 2012. Online. Available at: http://www.euopanunl/id/vj0w4jq6s6zn/50th_meeting_of_the_eu_turkey (access date: 28 May, 2019).
12. Kirişçi K. Disaggregating Turkish Citizenship and Immigration Practice // Middle Eastern Studies. – 2000. – 36 (3). – С. 1-22.

Список литературы

Измestъев И. П. Причины и особенности продвижения сирийских и иракских беженцев в Германию // Kant. – 2016. – № 1 (18). – С. 76-81.

Ковалёва М. К., Овчарова Ю. С. Проблема реализации прав сирийских беженцев // Права человека: история, теория, практика. Всероссийская научно-практическая конференция: Сборник научных статей. Юго-Западный университет. – 2015. – С. 195-199.

Малышева Д. Турецкая головоломка // Свободная мысль. – 2015. – № 6 (1654). – С. 115-128.

Пилишвили Т. С., Аль Масри И. Особенности преодоления экстремальной ситуации с сирийскими беженцами 15-17 лет // Акмеология. – 2015. – № 4 (56). – С. 229-233.

Ходынская-Голенищева М. С. Кризис в Сирии // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 6 (695). – С. 13-20.

References

Izmestъev I. P. *Prichiny i osobennosti prodvizheniya siriyskih bezhentsev v Germaniyu* [Reasons and peculiarities of the movement of Syrian and Iraqi refugees to Germany]. IN: *Kant*, 2016, no. 1 (18), pp. 76-81.

Karpat K. H. Ottoman population 1830-1914: Demographics and social characteristics. Madison, University of Wisconsin Press, 1985, 242 p.

Khodynskaya-Golenishcheva M. S. *Krizis v Sirii* [Crises in Syria]. IN: *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2015, no. 6 (695), pp. 13-20.

Kovalyova M. K., Ovcharova Y. S., *Problema realizatsii prav siriyskikh bezhentshev* [The issue of implementing the rights of Syrian refugees]. IN: *Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: Sbornik nauchnykh statey. Yugo-zapadnyy universitet* [Human rights: history, theory, and practice. All-Russian scientific and practical conference: collection of scientific articles. South-Western University], 2015, pp. 195-199.

Malysheva D. *Turetskaya golovolomka* [Turkish puzzle]. IN: *Svobodnaya mysl* [Free thought], 2015, no. 6 (1654), pp. 115-128.

Pilishvili T. S., Al Masri I. *Osobennosti preodoleniya ekstremalnoy situatsii s siriyskimi bezhentsami 15-17 let* [Peculiarities of overcoming the extreme situation with Syrian refugees aged 15-17]. IN: *Akmeologiya*, 2015, no. 4 (56), pp. 229-233.

Сведения об авторах

Кривов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории политики и коммуникации Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; старший научный сотрудник Международной междисциплинарной лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, e-mail: skrivov@rambler.ru

Старкин Сергей Валерьевич, доктор политических наук, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ведущий научный сотрудник Международной междисциплинарной лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, e-mail: starkinserge@mail.ru

About the authors

Sergey V. Krivov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Department of Political Theory and Communications, Lobachevski State University of Nizhny Novgorod; Senior Researcher at International Interdisciplinary Laboratory "Study of Global and Regional Sociopolitical Processes", N. A. Dobrolyubov State Linguistic University of Nizhny Novgorod, e-mail: skrivov@rambler.ru

Sergey V. Starkin, Doctor of Political Sciences, Professor at Department of Applied Political Analysis and Modeling, Lobachevski State University of Nizhny Novgorod; Leading Researcher at International Interdisciplinary Laboratory "Study of Global and Regional Sociopolitical Processes", N. A. Dobrolyubov State Linguistic University of Nizhny Novgorod, e-mail: starkinserge@mail.ru

В редакцию статья поступила 13.08.2020, опубликована:

Кривов С. В., Старкин С. В. Миграционная политика Турции в контексте проблемы беженцев: история и современность // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 4. – С. 180-188.

Submitted on 13.08.2020, published:

Krivov S. V., Starkin S. V. *Migratsionnaya politika Turtsii v kontekste problemy bezhentshev: istoriya i sovremennost* [Turkey's migration policy in the context of the refugee problem: history and modernity]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2020, no. 4, pp. 180-188.